

Нина вошла в маленькую комнату, в которой уже было три молодых женщины. Они внимательно всматривались в небольшие зеркала и накладывали грим.

– Нина, ты задерживаешься. Что-то случилось?– спросила её новая знакомая Галина.

– Да привезли одного с 15 участка, сильное кровотечение. Палец на одной коже висел. Кое-как приладили с Владимиром Фёдоровичем, надеемся на чудо заживления.

Нина подошла к вешалке, сняла с себя фуфайку, военную шапку-ушанку и валенки. Взяла красивое платье, сшитое из кусочков материала, но смотревшееся очень нарядно, а со сцены оно будет смотреться просто шикарно! Надела его, чуть покружилась и весело рассмеялась: «Да, сейчас я худенькая, как в 17 лет, только вот есть хочется, как никогда».

Сегодня у них предновогодний спектакль, канун 1939 года. Вот и осуществилась её самая заветная мечта – она играет в спектакле. Верно говорят: «Бойтесь своих желаний, они могут осуществиться». Ей было 16 лет, когда члены приехавшей комиссии, разыскивающие таланты, отобрали её на конкурсе кандидатов для поступления в театральное училище. Тогда она, не веря в свои возможности, отказалась. Но мечта за-

пала в душу и продолжала жить. Разве могла она подумать, что более чем через 10 лет воплотит её и притом здесь, пред исчадиями ада!

Пьеса называлась «Без вины виноватые», она играла Кручинину. Да, её «товарка» Рита выбрала это название не случайно, как говорится, ударив не в бровь, а в глаз. Островский был классиком, обнажавшим пороки старого мира. На это она и рассчитывала – руководство ведь не совсем тупое, именно за это и ухватится. А для самих осуждённых по ст. 58' это название более чем актуально.

Всё. Последний взмах, и пудра ровно ложится на обветренное на морозе лицо. Губы ярко накрашены. В глаза всем актрисам она капнула чуть-чуть адреналина, позаимствованного в медицинском кабинете, отчего зрачки расширились, загорелись внутренним огнём и придали некую загадочность лицам. «Ну, всё, девочки, с Богом! – твёрдым голосом бывшего партийного лидера сказала Раиса. – Нам сегодня нельзя опростоволоситься, а то решат, что мы враги в квадрате».

Это подстегнуло, как плетью. Кровь ударила в голову, а руки похолодели. «Справимся, – твёрдо сказала Нина, – ведь вы, кроме меня, почти все имели отношение к театру».

«На выход!» – выкрикнула Зоя Петровна. И всё отступило. Только сцена, только игра, только зрители. Целых три часа они жили другой жизнью. Забыли про расстрелянных мужей, про разбросанных по всей стране детей, про самих себя, как по Достоевскому – «униженных и оскорблённых», но не растоптанных. Спектакль прошёл больше, чем на УРА! Зал то замирал, то взрывался овациями. Все зрительницы плакали независимо от ранга: «и законницы», и случайно попавшие за опоздание на работу, а также по указу, известному как 7-8 от 1932 года, о хищении «трёх колосков», и, естественно, жёны врагов народа. Господи! Сколько даром уничтоженных

судеб! Понравилось и руководящему составу, и их жёнам, и приехавшим гостям из Управы.

Ну, вот и всё, девочки! Возвращаемся в серую действительность и будем мечтать о торжестве справедливости», – сказала художественный руководитель Зоя Петровна.

По неписаной традиции, для гостей из Управления, накрыли стол. Подвыпивших офицеров потянуло на подвиги. «А не позвать ли актёрок? Надо же поощрить таланты, – проворкотал хорошо подвыпивший офицер средних лет. – Пусть и враги народа, но ведь поставлены на путь исправления...» Остальная компания его дружно поддержала и взглянула на начальника колонии Загайнова. Он пожал плечами и ответил: «Ну, можно и подкормить актрис, заслужили».

Охрана быстренько соорудила отдельный стол. Выставили огромными кусками накромясанный чёрный хлеб и шматки сала. Украшением стола, по мнению господ офицеров, стала бутылка мутного самогона. Пригнанные актёрки как-то неуверенно, прижавшись друг к другу, сгрудились у двери, а ведь в прошлом многие из них посещали правительственные приёмы. «Хозяин», так по-зэковски называли начальника колонии, предложил им присесть и «покушать». Они сели за стол и, несмотря на чувство голода, интеллигентно сделав бутерброды из хлеба и сала, стали неспешно их пережёвывать. У Нины закружилась голова. «Господи, только бы не обожраться!» Тут уж не до литературных оборотов – только это сермяжное словечко подходяще для изголодавшихся «зэчек».

– А что же, девочки не пьём? – подскочил к их столу всё тот же офицер. И хохотнув: – Мы ведь не кусаемся! – с этими словами разлил по кружкам самогон. Откуда-то появился патефон, и Вертинский запел: «Наш уголок я убрала цветами». Офицеры стали приглашать дам.

К Нине кинулся всё тот же хлюст.

– А вы очень неплохо двигаетесь!

Нину не удивила похвала её умению танцевать. Ведь не зря же она неоднократно получала призы на вечерах, устраиваемых по случаю праздников в Управлении шахт.

– Вы курите?

Да, здесь она научилась курить и скручивать «козью ножку» из газеты и махорки. Они вышли в коридор. «Не разбредайтесь!» – крикнул вслед Загайнов.

Офицер галантно раскрыл пачку «Казбека» и протянул Нине. Она взяла папиросу и медленно глубоко затянулось. Мозг, разгорячённый первачом, затуманило.

– Ну и как же нас зовут? – как сквозь сон, услышала Нина. – Я Олег. – А я осуждённая номер... – Ну, давайте не так официально! К чему эта бравада? Здесь она неуместна! – он положил ей руку на талию. Она резко дёрнулась к окну и, локтём разбив его, выхватила осколок.

– Ну-ну, здесь не сцена. Пора тебе войти в другую роль.

Он шагнул к ней. Нина оголила запястье левой руки и резко рванула осколком по вене. Кровь фонтаном брызнула наружу, попав на руку офицера:

– Дура! Могла бы сидеть с удобствами! – он грубо выругался и пошёл к двери, буркнув охраннику: – Там ваша подопечная руку поранила, окажите ей помощь и в карцер. Я так и не понял, было ли это умышленным членовредительством, чтобы отлынивать от работы...

Ей оказали помощь и отвели на неделю в карцер. Карцер не самое ужасное – подумаешь целый день простоять на ногах... можно и на цементном полу посидеть, подложив телогрейку. Главное: никто не будет дёргать и мешать вспоминать.

Теперь она уже могла себе это позволить. Наутро к ней зашёл вчерашний офицер, виновник её заключения в карцер. Он поздоровался, взял её за забинтованную руку и, наклонившись, поцеловал её.

– Простите, – негромко сказал он. – Театр и мне вскружил голову. Удачи Вам. Без неё здесь не выжить. По-военному развернулся и вышел.

Нина отёрла руку о платье и подумала, что уважение к женщине рождается её неприступностью.

Прошло более двадцати лет... Я маленькая, трогаю бабушку за руку и, показывая на шрам, спрашиваю:

– Отчего это?

– Пустяки, – отмахнулась она. – Просто надо быть осторожнее со стеклом, как я тебя всегда предупреждаю.

Мне шестнадцать. Я узнаю, что многие из моих родственников репрессированы. Кто-то расстрелян, включая моего деда Носкова Ивана Ивановича, кто-то отсидел по лагерям.

«Это память о зоне. Осколком поранилась», – приоткрыла мне часть правды бабушка...

Мне почти тридцать. Я уже ровесница возраста бабушки в конце 1939 года. У меня муж и дочь. И тут я узнаю до конца истинную историю этого шрама. Бабушки давно нет, а шрам перебрался в моё сердце и всё болит. И я и не хочу, чтобы он зарос, а боль ушла. Тогда я просто потеряю себя.